

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 1.316

**ДЕСТРУКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ: АНОМИЯ, АРХАИКА, ДЕВИАЦИЯ****Абдрахманов Данияр Мавляирович***кандидат философских наук, доцент**заместитель директора по научной работе**Институт гуманитарных исследований Республики Башкортостан**450076, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Гафури, 13/1**e-mail: narkotizm@rambler.ru***Буранчин Азамат Мажитович***кандидат исторических наук**заведующий отделом этнополитологии**Институт гуманитарных исследований Республики Башкортостан**450076, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Гафури, 13/1**e-mail: buranchin@yandex.ru*

В статье приводятся данные об уровне и характере происходящих общественных трансформаций, в частности рост аномии, депопуляция, обнищание, алкоголизация, наркотизация современного российского общества, рост религиозного фундаментализма и иммиграционных настроений. Противодействие негативным (деструктивным) факторам становится важной задачей и условием выживания социальной системы.

Ключевые слова: социальная трансформация; аномия; архаика; девиация; российское общество; культура.

Современное российское общество, находящееся в условиях глубинных социальных и политических трансформаций, сталкивается с множеством деструктивных факторов, противодействие которым становится важной задачей и условием выживания всей социальной системы. В ряду негативных явлений, захлестнувших Россию, можно выделить возрастание активности экстремистских социальных и религиозных течений, снижение уровня этнической толерантности, рост употребления психоактивных веществ, суцидов, сложнопрогнозируемое влияние внешней миграции, аномию, архаизацию социальных структур и пр. Все это делает крайне актуальной проблему разработки механизмов противодействия негативным формам, возникающим в ходе модернизационного развития, поскольку рост социальной энтропии нуждается в определении масштабов нелинейных, порой хаотических процессов и разработке действенных технологий по их упорядочению.

В общественных науках термин «трансформация» стал использоваться с середины прошлого века, однако социальная трансформация рассматривалась в этот период в качестве модификации понятия «модернизация». Только с 80-х гг. XX в. «трансформация» используется как самостоятельное, ключевое понятие в исследовании современных обществ.

На сегодня ведущие отечественные ученые социальную трансформацию определяют как: 1) радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы общества (Т.И. Заславская); 2) преобразование общества, отличающееся национально-культурным своеобразием (В.А. Ядов); 3) быстрое, внешнее, поверхностное изменение социальности посредством внедрения в нее чужеродных элементов, выдаваемых за необходимые основания, и сопровождаемое нарастанием негативных явлений (Н.И. Иконникова); 4) комплексное, преимущественно эволюционное преоб-

разование общества как социокультурной системы — социокультурная трансформация (Н.И. Лапин) и пр. [9, с. 263].

К примеру, В.В. Локосов в своих работах дает следующее определение: «Трансформация — это процесс существенного изменения социальной системы, который характеризуется качественными изменениями системообразующих элементов, многовекторностью и относительно высоким темпом их реализации, а также повышенным влиянием субъективных факторов» [10].

В самом общем виде трансформация — это смена социальных форм в процессе перехода из одного качественного состояния в другое. Она может иметь различную направленность: конструктивную, стагнационную и деструктивную. Последняя и является объектом нашего исследования.

Как отмечают исследователи, деструктивная трансформация проявляется в двух формах. Во-первых, как архаизация социальных структур. Во-вторых, как криминализация общества, приводящая к доминированию теневой экономики, к коррупции, к росту девиантных социальных групп, в конечном счете — к социальной аномии.

Осмыслением проблемы, связанной с актуализацией архаики в нашей стране, занимались А.С. Ахиезер, А.П. Давыдов, В.Ф. Чеснокова. Если у А.С. Ахиезера и А.П. Давыдова к архаике относятся расколотость, полярность российской культуры, затрудненность медиации или нахождения серединной культуры, то, по мнению В.Ф. Чесноковой, архаика носит эмоционально окрашенный характер и базируются прежде всего на идеях, «которые в сознании каждого носителя определенной культуры связаны с интенсивно окрашенной гаммой чувств или эмоций (“сентименты”»).

По мнению А.С. Ахиезера, архаика возникает в тот момент, когда общество на «усложнение проблем соответствующего субъекта не рождает адекватного творческого потенциала», а вместо трудного поиска ответов на вызовы времени резко, инверсионно возвращается к прежним ценностям [2, с. 89]. А.В. Рябов считает, что архаика является проявлением неких архетипических социальных практик, заимствованных из исторических образцов прошлого, главным образом феодальной эпохи, общества аграрного типа. И в современных обществах не просто реанимируются, а строятся структуры, воспроизводящие феодальный архетип. Иногда это происходит безо всякого восхищения данными образцами, иногда они становятся объектами сознательного подражания. Сегодня, — считает он, — архаические начала

всплывают через практику своего рода «кормления», когда феодальный чиновник ничего не получая (и теперь чиновник получает малую зарплату), «кормится» со своего поста. Сюда же относится лишение домовладельцев земли, а также скупка богатыми земель вместе с населяющими их людьми, которые становятся крепостными нового «помещика», а так же антиэгалитарные позиции элиты, с удовольствием принимающей сословную этику. Отличительной чертой архаических отношений выступает подчинение экономики политике, ставка на силу и привилегии. Как отмечает А.В. Рябов, «список подобных явлений, по логике несовместимых с реалиями индустриальной страны начала XXI в., при желании можно было бы продолжить. И хотя в реальной жизни все эти явления выглядят изолированными, не связанными между собой, есть основания полагать, что они имеют общие корни» [14, с. 4].

Обычно архаика связывается с древними, примитивными формами культуры и социальной жизни. Но это не значит, что с развитием и усложнением обществ она исчезает. В реальности она лишь отступает, становясь редуцированным элементом традиции. Примитивные социальные формы, зафиксированные в традициях, соответствуют примитивным уровням психики. Усложнение социальных форм и традиций требует более глубокой культурной проработки психики. Но простые формы психической жизни не могут исчезнуть совсем, они лишь окультурируются, застраиваются более высокими слоями.

В конечном итоге основным фактором, погребаящим архаические слои сознания, по мнению специалистов, является традиция. Как пишет К.Н. Костюк, традиция — это прежде всего «защита против хаоса в индивидуальном сознании. Она противостоит как деструктивному давлению хаоса подсознания, так и давлению модернизации, направленному на конструктивную перестройку устоявшихся слоев культурного сознания» [8].

Другими словами, в противоположность традиции архаика не дана эксплицитно, в явном виде и не является сознательно используемым поведенческим регулятивом. В сравнении с ней традиция более рациональна, более очевидна и вытекает из ценностных конвенций и образцов поведения, заданных культурой, а не психикой. При разрушении культуры ее вытесняет архаика.

Влияние архаики особенно ярко проявляется сегодня — в коррозии новых социальных институтов и очевидно деградирующем характере социального развития.

Другой формой деструктивной трансформации является проблема аномии. На создание нового стиля жизни и нового образа общества расходуются много энергии, что порождает в определенной мере хаос. В хаотических изменениях трансформирующегося общества потенциально заложены различные компоненты и становится возможным их необычное сочетание. Кризис расшатывает стереотипы социального поведения. И на базе ослабленных старых норм создается новый порядок.

Ослабление нормативной основы общества, характерное для кризиса, связывают с наличием аномии. Одной из причин аномии является кризис идентификации, когда человек не может уверенно отнести себя к определенной социальной общности. Аномия на самом деле препятствует позитивной социальной трансформации. Преодоление аномии, появление правил, присущих трансформации, обеспечивает ее более эффективную реализацию. Но правила эти особые, так как трансформация социальных норм — это имманентная характеристика трансформирующегося общества. То, что выглядит как аномия, на самом деле является переходом в такое нормативное состояние, которое характеризуется модификацией норм на основе постоянно изменяющихся моделей рациональности. Нормы разнообразны в различных ситуациях, в различных сообществах и при реализации разнообразных практик. Для трансформирующегося общества характерен нормативный плюрализм.

Аномия действительно существует, но она присуща периоду трансформационного кризиса. Для условий трансформации в отношении аномии необходим иной исследовательский инструментарий и иной теоретический подход, чем для условий стабильного общества. Таким образом, трансформационный кризис закладывает основы качественно нового нормативного состояния общества, позволяющие ему выйти на новый уровень развития.

Исследователи определяют аномию, возникающую в связи с ускоренной трансформацией, как состояние социально-экономических структур, возникающее в периоды их быстрого изменения, когда системообразующие процессы, способствующие социальной интеграции, утрачивают свою роль и влияние, усиливая рассогласование между социальной и культурной структурами. Социальная макросреда стремительно меняется, в то время как более инертная ценностно-культурная составляющая общества препятствует изменениям, прежде всего на уровне микросреды, непосредственного жизненного мира индивидов. Однако, несмотря на то, что микросреда в значительной мере

поддерживает индивида «на плаву», указанное расхождение затрудняет процесс индивидуальной адаптации, способствует снижению общей социальной ориентации, росту ощущения ненадежности и маргинальности, кризису индивидуальных ожиданий, социальной резигнации и сомнению в легитимности основных социетальных ценностей макросреды.

Рассмотрим далее явления, имеющиеся в современном российском обществе, которые могут быть отнесены к деструктивным формам трансформаций. К примеру, ежегодно естественная убыль населения России составляет 520–550 тыс. чел. 24 сентября 2012 г. В. Путин в своём докладе на съезде партии «Единая Россия» говорил уже об 1 млн. чел. Исследования демографов показывают, что реформы и здесь дорого обошлись нашей стране: более двух третей всех причин нынешней депопуляции россиян связаны с резким ухудшением здоровья нации, снижением качества медицинского обслуживания, возвращением давно забытых болезней.

Безрадостны результаты реформ в духовной и нравственно-психологической сфере общества. 1990-е годы деформировали базовую ценностную модель россиян. Начавшийся тогда процесс духовной деградации общества вызывает растущую тревогу среди российской культурной элиты. Криминальная приватизация подняла мощный вал преступности.

В начале 2000-х произошла атомизация общества, утрата населением традиционных форм солидарности, коллективизма [15, с. 38].

При этом особенно остро встала проблема резкого социального расслоения. Яркий признак аномии сегодня — раскол на бедных и богатых, свойственный развивающимся обществам. В результате прошедших в России либеральных реформ имело место такое проявление деформации социальной сферы, как резкая поляризация доходов российских граждан. По этому показателю современная Россия значительно превзошла развитые страны мира и вплотную приблизилась к слаборазвитым. В приводимых В.И. Добренковым статистических данных, доходы 10 % наиболее богатых россиян почти в 100 раз больше доходов 10 % наиболее бедных наших граждан. К сожалению, аналогичная диспропорция имеет место и в соотношении заработной платы учителей школ и федеральных министров. Приведенные факты позволяют утверждать, что в результате либеральных реформ возникли две России — богатая и бедная, которые живут в разном измерении, не понимают друг друга, имеют разные ценностные ориентации,

которые никогда не найдут согласия и примирения друг с другом. Это не может не породить социальную дезинтеграцию, напряженность и целый спектр негативных социальных явлений.

Пореформенная Россия — это не только резкое неравенство доходов, но и неравенство возможностей. То, что выходцам из бедных семей трудно пробиться наверх, недавно признал и В.В. Путин, сделав «создание социальных лифтов» одной из ключевых задач вновь учреждаемого агентства стратегических инициатив. По данным Росстата численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2010 г. составила 18,6 млн. чел. — 13,2 % общей численности населения. То есть даже по официальным данным количество бедных в нынешней России эквивалентно населению средней европейской страны. Но эти цифры не отражают реального положения в стране. Бедных в нынешней России значительно больше, чем утверждает официальная статистика. Объем потребления мяса, рыбы, овощей и фруктов отстаёт не только от норм, принятых в развитых странах, но и от норм бывшего СССР. Официальные наборы норм продовольственных и непродовольственных товаров, включённые в прожиточный минимум, отражают пожелания экспертов, а не реальные особенности потребления населения [15, с. 41].

О стремительном разрастании архаики свидетельствует также состояние собственных секторов модерна — науки и образования, с помощью которых советская архаика пыталась поддержать свою конкурентоспособность. Во много раз сократилось финансирование НИОКР и науки, количество научных организаций и ученых. При многократном падении капиталовложений резко снизился и технологический уровень российской экономики. «Утечка мозгов» и значительное увеличение доли сырья в экспорте говорят о деглобализации и демодернизации культуры.

В 2009 г. в рамках международного мониторинга «PISA» проводилось очередное тестирование школьников по выявлению уровня грамотности. Россия оказалась на 43-м месте из 64 стран мира. Одаренных детей у нас выявлено на треть меньше, чем в других странах, а крайне ограниченных — на треть больше [7]. Указанные неблагоприятные тенденции в развитии образования будут проявляться и в последующие годы, поскольку его финансированию в стране не уделяется должного внимания. Если в США доля расходов на образование составляет 13,7 % к валовому внутреннему продукту (ВВП), в Японии — 11,7 %, Великобритании — 11,4 %, то в России —

лишь 3,5 %. Финансирование образования сегодня составляет три четверти затрат от уровня 1991 г. [4, с. 113] Традиционные (индустриальные) институты высшего образования уже не в состоянии выступать основным агентом формирования новой транслокальной идентичности. Они тщетно поддерживают и пытаются максимально усилить национальную и социокультурную принадлежность индивидов, надеясь таким образом зафиксировать, «зацементировать» ускользающую национальную идентичность. И добиваются тем самым противоположного эффекта, порождая этноконфессиональные риски, поскольку носители новой транснациональной идентичности уже априори оказываются вне зоны действия традиционных образовательных институтов, а носители традиционной идентичности и морали, активно «подогреты» во мнении об уникальности своей культуры/религии/государства, нередко воображаемой, становятся чересчур активными защитниками собственной идентичности, выходя на тропу экстремизма и терроризма [13, с. 42].

Остро стоят и вопросы общественного здоровья, алкоголизма, наркомании [1, 6], самосохранительного поведения. Помимо собственно медицинских аспектов «курение и пьянство есть мощные средства десубъективации субъектов, мощнейшие антимодернизационные средства (один литр выпиваемого спирта на душу населения в стране приводит к падению производительности труда на 1 %. У нас сейчас потребление спиртного составляет 18 л чистого алкоголя на человека в год)» [12, с. 296].

В целом это вполне закономерно, если учесть, что проблема девиации напрямую зависит от системы социальных «координат». Девиация связана с процессом социального развития, устареванием и ломкой социальных стереотипов, критериев и стандартов, необходимостью обновления «неработающих» норм. Девиация широко распространяется в периоды активных социальных изменений. Так, за последние двадцать лет в России фиксируются всплески разнообразных негативных девиаций (самоубийств, преступности, отказного материнства, рост смертности, психических заболеваний, аварий и несчастных случаев на производстве и пр.). Но статистическая распространенность явления не переводит его в разряд нормы. Большинство в обществе обозначают эти явления как негативные и считают, что им необходимо непременно противостоять.

Как реакция на негативные формы социальной трансформации в российском обществе наблюдается рост фундаменталистских настроений, осо-

бенно показательно влияние религиозного фактора на современные процессы. Однако природа данного явления крайне противоречива и двойка, поскольку является противоречием, возникшим в ходе демократического транзита на традиционную матрицу российского общества [3, с. 45].

Дело в том, что торжество гражданского общества всегда означает крушение традиционных христианских (шире — религиозных) идеалов социального мира. Гражданское общество и демократия несут в себе культуру, коренным образом расходящуюся с традиционной культурой. В этой культуре получают равные права голоса все меньшинства, снимаются все цензурные барьеры, общество становится открытым, плюралистичным. В ней рушатся многие моральные табу, казавшиеся прежде незыблемыми, стремительно расширяется круг потребностей, большинство из которых определяется исключительно материальными и потребительскими интересами населения.

И все это не сдерживается, а поощряется культурой гражданского общества, поскольку она инициирует личную активность, активность человека во имя себя и своего благополучия. Разумеется, в такой трансформации национальной культуры Церковь видит прежде всего развращение нравов и крушение нравственного порядка. Публичная проституция, порнография, сокрушительное наступление бездуховности массовой культуры — все это несет с собой культура гражданского общества. В этом кроется причина современного отрицания Церковью демократии и либерализма и осторожной симпатии к прежнему коммунистическому строю, который все же сохранял традиционные нравственные принципы.

Процесс религиозизации политики в современной России крайне опасен, поскольку, как и любой фундаментализм, радикален и неуступчив. К примеру, характеризуя логику развития исламского фундаментализма в России, Е.М. Дринова выделяет следующие его специфические черты: 1) внедрение в традиционное исламское сознание идей ваххабизма; 2) декларирование восстановления «чистого» ислама, не испорченного цивилизацией; 3) утверждение доктрины джихада; 4) стремление к созданию во всех северокавказских республиках ваххабитских общин, функционирование которых предполагает наличие исламских социально-правовых институтов, таких как школы при мечетях и шариатский суд для воспитания новых поколений; 5) склонность к сакрализации политического конфликта, основу которой составляет идея иррациональности религиозного насилия; 6) религиозно мотивированное насилие

и оправдание террористических актов в отношении мирных граждан России.

Особенность православного фундаментализма в России проявляется в том, что православие стремится к активной политической деятельности. В церковных кругах существует тенденция и крепнет убежденность в необходимости примата религии над политикой как во внутренней, так и во внешней политике государства. В самом государстве также наметилась тенденция по христианизации политики, которая заключается в утверждении моральных и религиозных ценностей как абсолютных норм в обществе; отмечается активное внедрение системы религиозных православных ценностей в систему светских и политических институтов в стране. Совсем недавно судебный процесс над группой «Pussy Riot» и последовавшие за ним события и процессы обнажили всю глубину имеющихся в обществе противоречий.

Обозначенный выше комплекс идей фундаментализма позволяет говорить о параллельном формировании в России политического православного и исламского фундаментализма, существенное различие между которыми заключается в том, что первый для достижения целей использует исключительно мирные формы, а второй практикует ультрарадикальные формы [5, с. 39].

Ведущий отечественный социолог Ж.Т. Тощенко считает данную проблему крайне важной. «С недавних пор российское общество испытывает давление иерархов православной церкви по поводу необходимости изучения всеми школьниками “Основ православной культуры”, как якобы единственного средства налаживания нравственности в стране. Если бы это было так! Введение такого курса (наравне с исламом, буддизмом и иудаизмом) приведет к еще одному расколу общества — по религиозному признаку. Появится еще более дестабилизирующий фактор, чем раскол на бедных и богатых, титульные и нетитульные народы, на знатных и простых» [16, с. 5].

В России в результате перманентного экономического кризиса и распада социальной сферы развиваются многочисленные формы социального варварства, свидетельствующие о глубочайшем неблагополучии общества, усугубляют которое наркомания, алкоголизм, психические заболевания, бездомность, детская беспризорность, проституция, эпидемия СПИДа и венерических заболеваний. При рассмотрении социальной трансформации как дисфункционального фактора социализации в ее социокультурном аспекте следует обратиться к концепции «социокультурной травмы» П. Штомпки [18, с. 3–8]. Метафориче-

ское понятие «травмы» позволяет провести аналогию между реакцией общества на неожиданные и радикальные социальные изменения и реакцией организма на внезапное и болезненное внешнее воздействие. Социальная травма, по мнению П. Штомпки, обусловлена в первую очередь ломкой ценностных оснований привычных символов, смыслов и значений социальной реальности. Травматичность радикальных социальных трансформаций обусловлена их внезапностью для большинства людей и их тотальностью, поскольку они затрагивают решительно все сферы социальной жизнедеятельности, в корне меняя характер повседневности. Именно в силу последнего обстоятельства такие преобразования затрагивают решительно всех членов общества, каждого индивида и, наконец, что наиболее болезненно, они обесценивают привычные правила социальных действий, накопленные прежним жизненным опытом, обесценивают его социальный капитал, делают индивида своего рода банкротом. Любые его форсированные структурные и функциональные изменения сопровождаются потерями — появлением «ненужных» социальных ячеек и «лишних» людей. Подобные потери — обратная сторона любого трансформационного процесса. Однако если в обществе превалирует созидательная ориентация, эта эмиссия осуществляется в таких объемах и формах, что ее можно контролировать и даже нейтрализовать. Штомпка выделяет шесть стадий травматического состояния. Первой стадией является дореформенное состояние общества, благоприятствующее возникновению травмы. Применительно к России речь в данном случае идет о долговременной стагнации советской экономики, сложившемся экономическом и технологическом отставании от Запада, опасности утраты положения великой державы при обесценивании ее экономического и военного потенциала. Вторую стадию составляют травматические события как таковые, их содержание, существо травм. Например, денежная реформа и исчезновение сбережений населения, неожиданная гласность и разоблачение коммунистических порядков при моральной неподготовленности к этому большинства людей. На третьей стадии общество, переосмысливая свою историю, сталкивается с противоречивыми толкованиями прошлого в его символическом осмыслении, что является одним из факторов дезинтеграции общества наряду с социально-статусной дезинтеграцией. Далее, в порядке реакции на травму возникают симптоматические деформации моделей социального поведения и общественной ментальности, которые быстро

обретают массовую распространенность. Следующей стадией является период посттравматической адаптации, протекающий либо по логике использования активных стратегий совладания с трудностями, либо, напротив, по логике обращения к пассивной стратегии примирения с ними. Наступающая в итоге завершающая фаза преодоления травмы, по сути, совпадает с окончанием переходного периода, т.е. с возвращением к стабильному состоянию общества и его граждан.

Таким образом, проблемы неустойчивого состояния современного российского общества не ограничиваются эмпирически фиксируемыми проявлениями, они затрагивают основополагающие, фундаментальные пласты социальной жизни, а именно: субстанциональные проблемы взаимоотношений меняющегося социума и личности, самоидентификационные процессы адаптирующегося индивидуального сознания, проблемы социализации личности в условиях разрушающегося этоса, формы и методы преодоления индивидом аномического отчуждения. Эти проблемы общества носят комплексный, макросоциальный характер, обусловлены особым, специфическим типом взаимоотношений личности и общества в этих условиях.

Однако, как нам кажется, важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Принципиально важным в настоящее время, считает Т.А. Хагуров, «для любой социальной системы является “воспроизводство Смысла”. Общество должно обеспечить своим членам достаточную смысловую нагрузку — некий “пантеон идеалов”, организующий социально одобряемые цели и практики» [17, с. 41]. Только имея высшие идеальные цели, можно сплотить общество обеспечив ему не просто выживание, но и процветание, и лидерство [11] в новом меняющемся мире.

Список литературы

1. *Абдрахманов Д.М.* Семья — основной институт профилактики наркотизма // Человеческий капитал. 2011. № 10. С. 125–127.
2. *Ахиезер А.С.* Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Ответственные науки и современность. 2001. № 2. С. 89–100.
3. *Буранчин А.М.* Традиционное общество и модернизация: теоретико-методологический аспект // Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. «Перспективы модернизации традиционного общества» (Уфа, 5 июня 2011 г.). Уфа: Гилем, 2011. С. 43–50.

4. Дементьева И.Ф. Факторы риска современного детства // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 108–114.
5. Дринова Е.М. Религия и политический процесс: религиозно-политическая экспансия и политизация религии в современном мире: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ростов н/Д, 2012. 48 с.
6. Киекбаев М.Д., Абдрахманов Д.М. Основные подходы к совершенствованию системного противодействия незаконному обороту и потреблению наркотиков: опыт Башкортостана // Этносоциум. 2011. № 1(33). С. 122–131.
7. Комсомольская правда. 2010. 11 янв. С. 3.
8. Костюк К.Н. Архаика и модернизм в российской культуре. URL: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj3-4-99kost.html> (дата обращения: 01.03.2014).
9. Ламажая Ч.К. Социальная трансформация // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 262–264.
10. Локосов В.В. Трансформация социетальных систем (опыт реформ в современной России): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2002. 48 с.
11. Малинецкий Г.Г. Чтоб сказку сделать былью... Высокие технологии — путь России в будущее. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 224 с.
12. Матвейчев О. Что делать, Россия? Прорывные стратегии Третьего тысячелетия. М.: Эксмо, 2011. 356 с.
13. Песегова Е.В. Флексибельная модернизация института высшего образования в современной России: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2011. 46 с.
14. Рябов А.В. Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // Рабочие тетради. Working Paper. М.: Моск. центр Карнеги. 2008. № 4. С. 4–5.
15. Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества (к 20-летию экономических реформ) // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 37–47.
16. Тощенко Ж.Т. Кентавр-идеи как деформация общественного сознания // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 3–12.
17. Хагуров Т.А. Кризис идеального как генератор девиаций в российском обществе // Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы IV ежегодной Всеросс. с междунар. участием науч.-практ. конф. (Краснодар, 28–29 октября 2010 г.). Краснодар: Из-во Краснодар. ун-та МВД России, 2010. Т. 1. С. 40–44.
18. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12.

Получено: 07.03.2014.

References

1. Abdrakhmanov D.M. [Family as the main institution of narcotism prophylaxis]. *Chelovecheskij kapital* [Human capital]. 2011, no 10, pp. 125–127. (In Russian).
2. Akhiezer A.S. [Archaism in Russian society as a methodological problem]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 2001, no 2, pp. 89–100. (In Russian).
3. Buranchin A.M. [Traditional society and modernization: theoretical and methodological aspect]. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii «Perspektivy modernizatsii traditsionnogo obschestva» (Ufa, 5 iyunya 2011) [Proceedings of All-Russian scientific and training conference «Perspectives of traditional society modernization» (Ufa, 5th of June 2011)]. Ufa: Gilem Publ., 2011, pp. 43–50. (In Russian).
4. Dement'eva I.F. [Hazards of modern childhood]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2011, no 10, pp. 108–114. (In Russian).
5. Drinova E.M. *Religiya i politicheskij protsess: religiozno-politicheskaya ekspansiya i politizatsiya religii v sovremennom mire: aftoreferat dissertatsii doktora politicheskikh nauk* [Religion and political process: religious and political expansion and politicization of religion in modern world: Author's abstract for procuring of PHD of political sciences]. Rostov-on-Don, 2012, 48 p. (In Russian).
6. Kiekbaev M.D., Abdrakhmanov D.M. [The main approaches to perfection of system counteraction towards illegal drug dispensing and usage: Bashkortostan experience]. *Etnosotsium* [Etnosotsium]. 2011, no 1(33), pp. 122–131. (In Russian).
7. *Komsomolskaya Pravda* [Komsomol truth]. 2010, 11th of January, p. 3. (In Russian).
8. Kostyuk K.N. *Arkhaika i modernizm v rossijskoj kul'ture* [Archaic and modernism in Russian culture]. Available at: <http://www.rir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99.kost.html> (In Russian).
9. Lamazhaa Ch.K. [Social transformation]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2011, no 1, pp. 262–264. (In Russian).
10. Lokosov V.V. *Transformatsiya sotsietal'nykh sistem: opyt reform v sovremennoj Rossii: aftoreferat dissertatsii doktora sotsiologicheskikh nauk* [Transformation of societal systems: reforms experience in modern Russia: Author's abstract for procuring of PHD of sociological sciences]. Moscow, 2002, 48 p. (In Russian).
11. Malinetskij G.G. *Chtob skazku sdelat' byl'yu... Vysokie tehnologii – put' Rossii v budushee* [To make a fairy-tale a true story... High technologies

- as Russia's way to the future]. Moscow, Knizhnyj dom LIBROKOM Publ., 2012, 224 p. (In Russian).
12. Matvejchev O. *Chto delat', Rossiya? Proryvnye strategii Tret'ego tysyacheletiya* [What is to be done, Russia? Breaching strategies of the Third millennium]. Moscow, Eksmo Publ., 2011, 356 p. (In Russian).
 13. Pesegova E.V. *Fleksibil'naya modernizatsiya instituta vysshego obrazovaniya v sovremennoj Rossii: aftoreferat dissertatsii doktora sotsiologicheskikh nauk* [Flexible modernization of institution of higher education in modern Russia: Author's abstract for procuring of PHD of sociological sciences]. Moscow, 2011, 46 p. (In Russian).
 14. Ryabov A. [Rebirth of feudal «archaism» in modern Russia: praxis and ideas]. *Rabochie tetradi* [Working paper]. Moscow, Carnegie Moscow Centre Publ., 2008, no 4, pp. 4–5. (In Russian).
 15. Simonian R.H. [1990th reforms and contemporary social structure of Russia's society – after 20 years of economic reforms]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2012, no 1, pp. 37–47. (In Russian).
 16. Toschenko Zh.T. [Centaur-idea as a deformation of social consciousness]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2011, no 12, pp. 3–12. (In Russian).
 17. Khagurov T.A. [Crisis of ideal as a deviation generator in Russian society]. *Fenomenologiya i profilaktika deviantnogo povedeniya: Materialy chetvertoj ezhegodnoj vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Krasnodar, 28–29 oktyabrya 2010) [Phenomenology and deviant behaviour prophylaxis: Proceedings of 4th All-Russian scientific and training conference with international participation (Krasnodar, 28–29th of October)]. Krasnodar: Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2010, vol. 1, pp. 40–44. (In Russian).
 18. Sztompka P. [Cultural trauma in post-Communist society (article 2)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2001, no 2, pp. 3–12. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 07.03.2014.

THE DESTRUCTIVE ASPECTS OF SOCIAL TRANSFORMATIONS:

ANOMIE, ARCHAIC, DEVIATION

Daniyar M. Abdrakhmanov, Azamat M. Buranchin

*Institute of Humanitarian Research of the Republic of Bashkortostan;
1, Gafoury str., Ufa, 450076, Republic of Bashkortostan, Russia*

Contemporary Russian society in terms of deep social transformations faces many destructive factors, including the continuing social inequality, migration, political and economic changes, the emergence of culture characterized by intemperance, the growth of individualism and consumerism, changing of traditional values, rapid urbanization, loss of respect for the law etc. Dealing with these factors is becoming an essential task for the survival of the entire social system. The authors present data on the level and nature of social transformations taking place, in particular the growth of anomie, depopulation, poverty, alcoholism, drug addiction in modern Russian society, the rise of religious fundamentalism and immigration sentiment.

Key words: social transformation; anomie; archaic; deviation; Russian society; culture.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М. Деструктивные аспекты социальных трансформаций: аномия, архаика, девиация // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 94–101.

Please cite this article in English as:

Abdrakhmanov D.M., Buranchin A.M. Destructive aspects of social transformations: anomie, archaic, deviation // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 94–101.